Марина Литова

Ключи от Кэннон стрит

Марина Литова

Ключи от Кэннон-стрит

«Автор»
2026

Литова М.

Ключи от Кэннон-стрит / М. Литова — «Автор», 2026

Ричард Кроуфорд умер тихо, в любимом кресле, будто задремал. Всё давно поделено: квартиры сыновьям, вдове её собственный дом. Никто не спорит, никому ничего не нужно.Пока поверенный не объявляет о втором завещании на имущество, о котором не знал никто. Наследников несколько, кто они? Счета за границей, дом на Крите, дом в Сопоте. Тайная квартира на Кэннон-стрит. Вдова, слишком спокойная для женщины, которая прожила с мужем двадцать четыре года и будто бы ничего не знала.Частный детектив Марго, вечно забывающая зонт, берётся за дело, в котором дружная семья за месяц превращается в осиное гнездо, а главной подозреваемой становится её клиентка. Но покойный Ричард, похоже, просчитал всё заранее. Почти всё.Классический английский детектив с дождём, иронией и тайнами, которые стучат в дверь сами, когда приходит время. Первая книга серии «Эшкомбские тайны».

© Литова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сцена 1. Утренний кофе и заказ 6
Сцена 2. Современный дом Марии: тишина, в которой слышно лишнее 8
Сцена 3. Квартира Эдварда: когда «ничего не надо» 11
Сцена 4. Кабинет Хелен 14
Сцена 5. Кабинет патологоанатома 17
Сцена 6. Кафе у вокзала: Клара «оживает» 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Марина Литова
Ключи от Кэннон-стрит

Марина Литова
Первая книга серии «Эшкомбские тайны»
Ключи от Кэннон-стрит

Сцена 1. Утренний кофе и заказ

Я размешивала сахар в чашке и слушала, как гудит кафе на Маркет-сквер: скрип стульев, звяканье ложечек, обрывки чужих разговоров. Утро было прохладным, от окна тянуло сыростью и запахом свежего хлеба из пекарни напротив. Эшкомб в этот час ещё не решил, проснуться ему или полежать до обеда, и я его в этом понимала. Я люблю такие минуты: город ещё не сорвался на бег, и можно просто сидеть и думать.

В оконном стекле отражалась женщина лет пятидесяти с каштановыми волосами, в которых первая седина уже вела переговоры о капитуляции. Закрашивать её я не собиралась из принципа и из лени, причём лени, если честно, было больше. Плащ на плечах был мокрым. Он был мокрым всегда. Это входило в мой стиль наравне с забытым зонтом.

Накануне вечером мне позвонил Джордж Хартли. Он поверенный, и когда-то мы вместе распутали неприятную историю с поддельной подписью на дарственной. Говорил он, как всегда, коротко:

— К вам придёт вдова моего клиента. Я сказал ей, где вас искать. Вы ведь всё равно сидите там каждое утро.

Поверенный, который знает, в каком кафе я завтракаю,— это либо дружба, либо повод сменить кафе. Я до сих пор не решила.

— Как я её узнаю?

— Светлые волосы, прямая спина, хорошее пальто,— сказал Хартли.— И она не станет плакать при вас, Марго. Не ждите.

Описание оказалось точным. Дверь открылась, и вошла женщина со светлыми волосами, собранными в лёгкий узел, в тёмном пальто с дорогим шарфом. Держалась она так прямо, будто кто-то в детстве велел ей не сутулиться, и она до сих пор не позволила себе ослушаться. Глаза у неё были светло-голубые и казались ещё светлее от бессонницы. Лет ей, на мой взгляд, было за сорок. Позже я узнала, что ошиблась больше чем на двадцать.

Она огляделась, заметила меня и направилась к столику.

— Вы Марго?— голос у неё был спокойный, но натянутый, как струна.— Мистер Хартли сказал, что вы будете здесь. Меня зовут Мария. Мария Кроуфорд.

Я пододвинула ей стул.

— Садитесь. Кофе? Здесь хороший капучино.

— Спасибо, не стоит.

Она села, но сумку с колен не убрала. Потом, словно вспомнив о приличиях, достала из кармана визитку и положила рядом с моим блюдцем. «Мария Эллис. Реставрация книг».

— Старая,— сказала она, заметив мой взгляд.— Новых так и не заказала. По работе меня все знают под девичьей фамилией, менять было поздно.

— Красивая профессия.

— Тихая.— Она чуть улыбнулась.— Ричарду нравилось, что я умею склеивать то, что другие считают безнадёжным.

Улыбка тут же погасла.

— Мой муж умер две недели назад. Сердце. Всё было спокойно и понятно: он заранее всё распределил, и никто не спорил. Эдварду, старшему, давно досталась квартира, где он вырос. Томасу Ричард отдал квартиру при жизни. Джеймс по завещанию получает однокомнатную на Кэннон-стрит, ту, что Ричард сдавал. Все знали это много лет. Я тоже не волновалась: у меня свой дом, я купила его до брака.

— До брака,— повторила я.

— Мы поженились шесть лет назад. А вместе прожили двадцать четыре.— Она сказала это ровно, как дату в документе.— Младших я вырастила. Когда их мать ушла, Томасу было

одиннадцать, Джеймсу восемь. Когда появилась я, двенадцать и девять. Самый неудобный возраст, чтобы полюбить чужую женщину.

Я не стала спрашивать, чем они были заняты восемнадцать лет между двумя этими цифрами. Не в первый день.

— А на прошлой неделе мистер Хартли собрал нас всех и сказал, что есть ещё одно завещание. Отдельное. На имущество, о котором никто из нас не знал. Что в нём, он не говорит. Оглашение через месяц, так распорядился Ричард. Сказал только, что наследников пятеро.

— Пятеро. А вас сколько?

— Четверо. Трое сыновей и я.

Она достала из сумки конверт и положила его на стол.

— А это мистер Хартли отдал мне отдельно, когда остальные ушли.

Внутри был один лист, исписанный крупным уверенным почерком.

«Мария, если ты это читаешь, значит, Хартли сделал всё, как мы договорились. У меня есть то, о чём я никому не рассказывал: деньги и недвижимость за границей. Не пугайся и не торопись. Никому не говори, пока не увидишь, кто спросит первым. Если не справишься сама, найди человека со стороны. Хартли знает кого. Р.»

Я перечитала последнюю строчку дважды. «Кто спросит первым». Спросить о деньгах, о которых никто не знает, может только тот, кто о них уже знает.

— Вы понимаете, о чём он?— спросила Мария.

— Пока нет,— честно ответила я.— А вы?

— Я не знаю, с чего начать.— Она сжала ремешок сумки.— Простите. Двадцать четыре года я была уверена, что знаю о нём всё.

За окном застучал дождь, и кафе будто притихло. Я сделала глоток остывшего кофе. Если честно, за это дело я взялась бы из-за одной строчки в письме. Но клиентам такого не говорят.

— Хорошо, я возьмусь. Мне нужно увидеть всех, кто был рядом с ним. И сначала ваш дом.

Зонт я, как обычно, забыла дома.

Сцена 2. Современный дом Марии: тишина, в которой слышно лишнее

Дом Марии стоял на холме за собором, там, где старый Эшкомб с его кривыми крышами заканчивается и начинается то, что местные называют «новым». Он будто держался отдельно от улицы: светлый, строгий, с широкими окнами и отделкой из камня и дерева. Никакой показной роскоши, но с первого взгляда было ясно, что здесь продумана каждая мелочь.

Мария открыла сама. Пальто сменили светлая рубашка и серый кардиган. Замок на двери был электронный, она закрыла его, коротко нажав на панель, а связку ключей бросила в керамическую чашу у входа. На связке болтались два старых латунных ключа, длинных, с бородками. Такие подходят к дверям, которым лет сто. В этом доме не было ни одной двери старше десяти лет.

На вешалке у входа висел мужской серый плащ. Мария прошла мимо, не взглянув на него, как проходят мимо человека, с которым не решаешься заговорить.

— Проходите. У нас тут всё слишком прямоугольное, как говорит моя дочь. Она любит, когда линии текут.

Гостиная была высокой и тихой: приглушённый ковёр, две современные картины, пустые гладкие поверхности. Порядок нарушала только маленькая красная машинка, брошенная посреди журнального столика.

— Внук,— сказала Мария, заметив мой взгляд.— Они с Лили заезжали утром. Сэм всё время возился на полу со своей машинкой— пыхтел, как маленький паровоз, гонял её от окна к столику. Лили всё боялась, что он что-нибудь зацепит. А я сказала: пусть, он малыш.

Она улыбнулась, и впервые за утро улыбка вышла настоящей.

— Хотите чаю?

— Просто воды, если можно.

Я пошла за ней на кухню. Не из вежливости: кухня всегда рассказывает о доме больше гостиной. Эта рассказывала, что здесь никогда ничего не подгорало. Мне стало немного стыдно за свою.

Справа от чайника на полке стояла пластиковая коробочка для таблеток с отделениями по дням недели. Стояла ровно, будто её выставили по линейке.

Мария проследила за моим взглядом и на секунду замерла с графином в руке.

— Его,— сказала она.— Никак не могу убрать. Он ставил её сюда каждый вечер, именно сюда. Если я случайно переставляла, просил вернуть. Давление.

Я ничего не ответила. Отделения с понедельника по четверг были пусты. В пятничном лежали две таблетки, белая и розовая.

— В ту ночь меня не было дома,— вдруг сказала Мария, хотя я ни о чём не спрашивала.— Сэм заболел, температура под сорок, а Марк, муж Лили, был в командировке. Я осталась у них. Вернулась утром. А он сидел в кресле у себя в кабинете. Как будто задремал.

Она налила воду в тонкий стакан и протянула мне. Рука у неё не дрожала. Слишком не дрожала, как у человека, который дал себе слово держаться.

Мы вернулись в гостиную. На полке стояли две фотографии. На одной темноволосая девочка лет десяти с охапкой ромашек, улыбается так, как дети улыбаются, когда их только что похвалили. На другой двое мальчишек в школьной форме: один постарше и хмурый, второй— с растрёпанной чёлкой и ухмылкой мальчишки, который час назад что-то натворил и не раскаивается.

— Лили?

— Лили. Задолго до Ричарда. Когда мы с ним встретились, она уже была замужем и жила своим домом.— Мария кивнула на вторую рамку.— А это Томми и Джейми, в первую осень. Томми тогда целый год делал вид, что меня не существует. Джейми был хитрее. У меня каждый день что-нибудь пропадало: ключи, очки, ложечка из сахарницы. А потом находилось в самом абсурдном месте. В глобусе, в пепельнице. Однажды моя помада нашлась в футляре от очков Ричарда. Он заметил её дома, перед уходом, но вернуть было уже некогда— встреча в девять. Вечером положил её на мой стол и сказал только: «У тебя новый тайник. Гораздо надёжнее глобуса».

— Мстил?

— Нет.— Мария поставила фотографию на место.— Проверял. Как-то раз я собиралась в город, и у меня пропала перчатка. Одна. Я уехала без неё, а когда вернулась, он сидел на лестнице у окна и держал эту перчатку в руках. Ждал, вернусь ли.— Она помолчала.— Его мать ушла и ничего не забыла. Наверное, он решил, что, если моя вещь останется в доме, я за ней приду.

Она сказала это без всякой жалости к себе, как говорят о погоде, к которой давно привыкли.

— А Лили всё сама, с самого детства. Когда они с мужем покупали вторую квартиру, я предложила помочь. Она рассмеялась и сказала: мама, мне сорок пять, я уже большая.

У Марии зазвонил телефон. Она взглянула на экран, и лицо её на миг стало беззащитным.

— Да, милая. Нет, всё хорошо. У меня… знакомая, по делу. Да, машинку нашла, лежит. Заберёшь вечером. Целую.

Она убрала телефон и посмотрела на меня так, будто я застала её за чем-то неловким.

«Знакомая, по делу». Значит, дочь не знает ни о письме, ни о том, зачем я здесь. И мать не собирается ей говорить. Я отметила это про себя и вслух спрашивать не стала.

— Как вы познакомились с мужем?— спросила я вместо этого.

— Случайно. По объявлению, если хотите.— Мария провела ладонью по гладкой поверхности стола.— Он был тогда… сложным человеком. Год как остался один с двумя мальчишками и злился на весь свет. Он сразу сказал мне: или так, или никак. Без обещаний.

— И вы выбрали «так».

— Я выбрала «так».— Она чуть пожала плечами.— Оказалось, этого хватило на двадцать четыре года.

— Странно,— сказала я, оглядывая комнату.— У вас нет часов. Ни одних.

— Ричард их не выносил. Говорил, что тиканье считает за него время.— Мария помолчала.— Я думала, что знаю его до последней привычки. Чай, а не кофе. Никаких часов. Коробочка справа от чайника. Один и тот же синий свитер, у него их было три одинаковых, и двадцать лет я не могла уговорить его купить другой цвет. А теперь выясняется, что у него было целое имущество, о котором он молчал. И ещё кто-то пятый.

— Он когда-нибудь говорил о своих тайнах?

— Говорил, что есть тайны, которые лучше не трогать, пока они сами не постучат в дверь.— Она невесело усмехнулась.

— Мне нужно посмотреть его кабинет и бумаги.

Мария посмотрела на меня долгим взглядом, будто решала, можно ли пустить чужого человека в эту тишину. Потом кивнула.

— Через пару дней. Мне нужно собраться с силами, прежде чем открывать его ящики. Сегодня вечером приедет Лили за машинкой. Я не хочу, чтобы она застала здесь… всё это.

Уже на крыльце я обернулась. За широким окном кухни белела коробочка справа от чайника, ровная и аккуратная. Ричард, по словам жены, умер, будто задремал. Тот, кто не позволял переставить коробочку, оставил в ней таблетки на пятницу.

Я ещё не знала, умер ли он в четверг вечером или пропустил пятничный приём. И почему у женщины с электронным замком на двери в кармане ключи от столетней двери. Но собиралась узнать и то и другое.

Сцена 3. Квартира Эдварда: когда «ничего не надо»

Эдвард Кроуфорд жил в той самой квартире, которую Ричард сорок лет назад, уходя из первой семьи, оставил жене и сыну. Свою часть он просто отдал, без суда и торга. Об этом мне рассказала Мария. Переступив порог, я поняла, почему отец считал старшего сына не обиженным: просторная прихожая, высокие окна, дубовый паркет. Хелен давно жила у второго мужа, и квартира целиком досталась Эдварду с семьёй.

Всё здесь было в приглушённых тонах. На полке стояли фотографии в одинаковых рамках: свадьба, младенец в конверте, тот же младенец на плечах у деда. На последнем снимке Ричард, в тёмно-синем свитере с круглым вырезом, смеялся, запрокинув голову. Мне впервые захотелось, чтобы он был жив и я могла задать ему пару вопросов.

— Садитесь,— Эдвард указал на диван.— Воды? Чаю?

— Спасибо, ничего.

Диван был для гостей из каталога: на нём сидели, чтобы показать, что могут себе его позволить. Я села на край.

Эдвард налил воды себе и сел напротив. Высокий, темноволосый, лет сорока пяти, в безупречно отглаженной рубашке. От отца ему достались рост и цвет волос, а от матери умение держаться так, будто ничто не может его задеть.

— Вы сказали по телефону, что работаете на Марию,— начал он.— Не совсем понимаю зачем. Отец всё распределил давно, и мне грех жаловаться.

— Мария говорит, вы были с ним очень близки.

— Были.— Он посмотрел на фотографию и помолчал.— Хотя «близки»— громко сказано, если считать по встречам. Он звонил почти каждую неделю. И Мария звонила: приезжайте в воскресенье, будет пирог, Олли покатаем на велосипеде. А мы всё откладывали. Работа, Олли болеет, у Рэйчел очень много дел… Вот этот снимок сделан в мае. Кажется, это был последний раз, когда мы приехали все вместе.

Он сказал это ровно, но на словах «последний раз» отвёл глаза.

— А сами вы когда видели его в последний раз?

— В четверг.

— В тот вечер, когда он умер?

— Получается, да.— Эдвард аккуратно, без звука, поставил стакан на столик.— Он сам позвонил днём. Сказал: «Заезжай, если можешь, надо поговорить». Обычно он так не говорил. Обычно было: «Приезжайте, будет пирог». Я заехал после работы. Марии не было, она осталась у Лили, у малыша была температура.

— О чём он хотел поговорить?

— В том-то и дело, что ни о чём.— Эдвард развёл руками.— Мы пили чай на кухне. Он спрашивал про Олли, про мою работу, не тесно ли нам здесь. Я всё ждал, когда он перейдёт к делу, а он так и не перешёл. Только когда я уже собирался уходить, он поставил чашку рядом со своей коробочкой с таблетками и сказал: «Иногда кажется, что все вокруг ждут, когда я ошибусь». Я решил, что он о работе. Теперь не уверен.

«Рядом со своей коробочкой». С мая он у отца не был— а чашку запомнил отлично.

— У поверенного,— сказала я,— вы спросили, кто пятый наследник. Мария говорит, вы спросили дважды.

Эдвард чуть приподнял бровь.

— А вы бы не спросили? Мы все были уверены, что знаем отца. Что знаем всех, кто был ему близок.

Он слегка поморщился.

— Томми ещё пошутил. Спросил, в какой валюте: злотые или евро. Он всегда шутит, когда нервничает. Мы посмеялись.

Я тоже посмеялась, про себя. Я записала. Злотые, евро— Томас мог назвать любую валюту, а в письме Ричарда стояло только «за границей», без названий стран. Шутка как шутка. Я отложила её, как откладывают пуговицу, не зная, от какого она пальто.

— А если пятый наследник вам знаком?— спросила я.— Просто вы не знаете, что он наследник.

— Знаком?— Эдвард помолчал.— Может быть. Кто-нибудь из отцовских приятелей, сосед, человек, которого мы сто раз видели на его кухне. Лицо знакомое, а кто он на самом деле, мы не знаем. Или вообще чужой. Какая разница, если отец молчал о нём всю жизнь?

Он прищурился.

— Вы на что-то намекаете, миссис…

— Просто Марго. Я ни на что не намекаю. Мне интересно, как люди встречают неизвестное.

Тут я сделала то, о чём Мария меня не просила. Ричард велел ей молчать, пока она не увидит, кто спросит первым. Но секрет, который знают двое, долго не живёт. Я предпочла выпустить его сама, там и тогда, где смогу наблюдать.

— Речь идёт не о символической сумме,— сказала я.— У вашего отца были деньги и недвижимость за границей. Довольно много.

Лицо Эдварда не дрогнуло. Но пальцы на колене медленно сжались.

— Мария знала?— спросил он.

Не «где», не «сколько», а это. Я отметила про себя, что первым вопросом Эдварда были не деньги, а Мария.

— Она узнала из письма после его смерти.

— Двадцать четыре года,— тихо сказал Эдвард, будто не мне.— Двадцать четыре года в одном доме.— Он поднял глаза.— Простите. Я не то имел в виду. А где это всё?

— Этого я пока сказать не могу.

Он посмотрел в окно, и я не торопила его.

— Каждый сентябрь,— сказал он наконец,— отец уезжал на две недели. Говорил, конференции. Однажды привёз мне, тогда ещё мальчишке, банку мёда с греческими буквами на этикетке. Тимьяновый, с Крита. Я спросил, какие конференции бывают на Крите. Он засмеялся и сказал: «Самые лучшие».— Эдвард покачал головой.— Я об этом лет тридцать пять не вспоминал.

Вспомнил он быстро. Быстрее, чем обычно вспоминают то, о чём тридцать пять лет не думали.

В соседней комнате звонко засмеялся ребёнок. Эдвард обернулся на звук, и маска на миг сползла с его лица.

— Олли. Рэйчел укладывает его, а он не сдаётся.— Он снова повернулся ко мне.— Он спрашивает, когда мы поедем к деду. Я пока не знаю, как ему объяснить.

— Есть ещё одна вещь,— сказала я.— Вы всё равно её узнаете, так пусть лучше от меня. Полиция открыла дело о смерти вашего отца.

На этот раз он не удержал лицо. Кровь отхлынула от щёк так быстро, что я невольно подалась вперёд. Это было самое честное, что я увидела за весь разговор.

— Дело? Какое дело? У него было сердце. Врач сказал…

— Врач сказал то, что увидел. Инспектор Доусон считает, что увидел он не всё.

Эдвард провёл ладонью по лицу.

— Томас и Джеймс должны знать. Я скажу им сам.

— Скажите. И про заграницу тоже, если сочтёте нужным.

Он посмотрел на меня внимательно и, кажется, понял, зачем я это говорю. Умный. Весь в отца.

Когда я встала, стало слышно часы на стене прихожей, большие, с тяжёлым маятником.

— Отец их терпеть не мог,— сказал Эдвард, перехватив мой взгляд.— В те редкие разы, когда заходил, первым делом останавливал маятник. А я, когда он уходил, запускал заново. Глупо, да?

— Нет. Просто вы тоже любите, чтобы всё было по-вашему.

Уже в лифте я подумала, что сыновей Ричард звал месяцами и почти никогда не мог дозваться. А в последний вечер позвал одного, и тот приехал. И стоял с ним на кухне, в двух шагах от чайника.

Сцена 4. Кабинет Хелен

Доктор Хелен Уитмор принимала в частной клинике в старом районе Эшкомба, где у каждого дома есть медная табличка и ни у одного нет вывески. Я ожидала стекла, металла и белых жалюзи, как в любом кабинете, где ставят диагнозы за большие деньги. А попала в другой век.

Тяжёлые бархатные шторы цвета тёмного вина. Дубовый стол на гнутых ножках, кожаное кресло, продавленное ровно там, где положено, лампа с зелёным абажуром. Пахло воском, старой бумагой и, совсем слабо, антисептиком, будто медицина заходила сюда только с разрешения хозяйки. А на стенах, от пола до лепного потолка, висели иконы. Десятки икон. Тёмные лики в потускневших окладах, золото, протёртое до красноватого грунта, строгие глаза, которые смотрели на меня со всех сторон сразу. Под таким количеством свидетелей лгать было бы особенно неловко. Возможно, на это и был расчёт.

Среди всего этого на столе стояла одна современная фотография. Седой мужчина с добродушным лицом держал на руках Олли, которого я видела на снимках у Эдварда. Нынешний муж Хелен.

Сама Хелен оказалась женщиной лет семидесяти. Полноватая, с мягкими руками в кольцах, стрижка каре, тронутая серебром, аккуратная, как всё, что она делала. Тёмно-серое платье, нитка жемчуга. Из тех, кто родился с хорошими манерами и пользуется ими как оружием.

— У меня пятнадцать минут до следующего пациента,— сказала она тоном, после которого я начала мысленно считать секунды. Ни чаю, ни кресла поудобнее она не предложила.— Эдвард звонил мне вчера вечером. Сказал, что полиция чем-то заинтересовалась. Я вас слушаю.

— Спасибо, что согласились встретиться.— Я невольно обвела взглядом стены.— У вас необычный кабинет.

— Я собираю их больше сорока лет.— Хелен чуть пожала плечами.— В нашей семье все были врачами, и все что-нибудь собирали: дед монеты, отец старые медицинские инструменты. Я выбрала иконы. Пациенты здесь либо успокаиваются, либо перестают жаловаться. И то и другое полезно для здоровья.

Над её плечом висела небольшая икона, светлее остальных. Святой с книгой, тонкие удлинённые пальцы, надпись греческими буквами. Буквы были такие же, как на банке мёда, о которой рассказывал Эдвард. Я ничего не сказала, только запомнила.

— Я согласилась ради сына,— продолжила Хелен, сложив руки на столе.— Предупрежу сразу: о Ричарде как о человеке я говорить не буду. Мы развелись сорок лет назад. Пока Эдвард был маленьким, приходилось общаться. Ричард брал его на море, приходил на школьные спектакли, помогал с уроками. Когда сын вырос, необходимость отпала.

Она сказала это тоном, каким читают рецепт. Но слово «приходилось» выдало её больше любой гримасы.

— Он вас обидел.

Хелен посмотрела на меня поверх очков.

— Он ушёл, когда Эдварду было шесть лет. И не к безымянной незнакомке, если вы об этом. К Кларе Беннет. Она работала у него в отделе, сначала ассистенткой, потом чем-то вроде правой руки. Я видела её на всех рождественских приёмах. Мы пили шампанское в одной комнате, она хвалила моё платье и спрашивала, где я его купила.— Хелен чуть заметно усмехнулась.— Она всегда спрашивала, где что куплено и сколько стоит. Тогда я сочла это провинциальным любопытством.

— Вы догадывались?

— Я врач, мисс Марго. Я замечаю симптомы раньше, чем пациент признаётся в болезни. Догадывалась за полгода. Он сказал мне сам, за ужином, очень спокойно. Свою часть квартиры оставил нам с сыном. Широкий жест. Ричард вообще любил широкие жесты: после них можно уходить с чистой совестью.

— И он остался с ней.

— Остался. Все были уверены, что ненадолго. Я тоже. А он прожил с ней пятнадцать лет, и у них родились двое сыновей. Жениться так и не женился. Говорил, что одного раза ему хватило. Я подозреваю, что дело было в другом, но это уже не моя история.

— В чём же?

— Ричард не женился на тех, кому не доверял до конца.— Хелен сказала это без нажима, как само собой разумеющееся. Потом помолчала.— Хотя на Марии он тоже не женился восемнадцать лет. Так что, может быть, я ошибаюсь. Или ему понадобилось восемнадцать лет, чтобы поверить. Ричард был медленным человеком в том, что касалось людей.

— А вы?

— Через месяц после развода я вышла замуж за Питера и ни дня об этом не пожалела.— Она коротко кивнула на фотографию, и лицо её на мгновение стало мягче.— Если вы ищете брошенную жену, которая сорок лет точила нож, вы ошиблись адресом.

— Я ищу врача,— сказала я.— Того, кто знал его здоровье дольше всех.

Это её остановило. Она помолчала и протянула руку.

— Что у вас?

Я положила перед ней копию первого заключения. Инспектор Доусон дал её мне неохотно и под честное слово. Хелен читала медленно, водя пальцем по строкам, и лицо у неё ничего не выражало. Иконы смотрели на нас обеих с одинаковым неодобрением.

— Острая сердечная недостаточность,— сказала она наконец.— Возраст, гипертония в анамнезе. Вскрытие формальное. Токсикологию не делали.

— Это нормально?

— Для семидесятидвухлетнего гипертоника, найденного дома в кресле? К сожалению, да. Никто не ищет яд там, где и так всё ясно.— Она перевернула страницу.— Что он принимал?

— Таблетки от давления. Я видела коробочку. Белые и розовые.

— Это ничего не говорит. Половина препаратов на свете белые.— Хелен сняла очки, и лицо у неё вдруг стало старше и человечнее.— Но вам стоит знать одну вещь. У Ричарда с молодости была особенность. Некоторые лекарства, совершенно безобидные для других, сбивали ему сердечный ритм. Мы узнали об этом случайно, ещё до рождения Эдварда: ему назначили обычное средство, и он попал в реанимацию. Чудом обошлось.

— Кто ещё об этом знал?

— Я. Его тогдашний кардиолог, он давно умер. И сам Ричард, конечно. Он не любил об этом рассказывать, терпеть не мог выглядеть уязвимым. Но Клара прожила с ним пятнадцать лет, а Мария двадцать четыре. Кто-то из них мог узнать. Если он сказал сам или если однажды пришлось вызывать скорую.

Я молчала. Хелен поняла моё молчание правильно, и уголок её губ чуть дрогнул.

— Да. Выходит, я одна из немногих, кто точно знал, чем его можно убить, не прикасаясь к нему. Запишите это в свой блокнот, мисс Марго. Я бы на вашем месте записала.

Я записала. Она кивнула, будто одобрила.

— Эдвард был у него в тот вечер,— сказала я.

— Я знаю.— Хелен не подняла глаз от бумаги.— Он сказал мне вчера. Ричард звал его каждую неделю, а он всё не ехал. И поехал именно тогда. Не делайте из этого выводов раньше полиции. Ричард умел выбирать время.

— Что вы имеете в виду?

— Ровно то, что сказала.— Она снова надела очки и вернулась к заключению.— Здесь написано, что его нашли в кресле, в кабинете. «Признаков борьбы нет, обстановка не нарушена».

— Это странно?

— Это может быть чем угодно. Аритмия убивает быстро, человек может просто уснуть и не проснуться.— Хелен постучала пальцем по строчке.— Но я знала Ричарда. Когда ему было плохо, он не сидел смирно. Вставал, ходил, распахивал окна, ругался. В реанимации медсёстры привязывали ему руку к кровати, чтобы он не выдернул капельницу. Человек, который полжизни не мог усидеть на месте, умер, аккуратно сложив руки на подлокотниках?— Она покачала головой.— Будь я полицейским, я бы спросила себя, не помог ли ему кто-нибудь выглядеть спокойным. Уже потом.

Мне стало холодно, хотя в кабинете было тепло. Не он тихо умер, а кто-то навёл тишину после.

— Вы скажете это инспектору?

— Если он спросит.— Хелен взглянула на старинные часы на каминной полке. Они не тикали.— Полагаю, после вашего визита спросит.

Я убрала копию в сумку и уже у двери обернулась. Светлая икона с греческой надписью оказалась прямо напротив меня.

— Миссис Уитмор, эта икона тоже из вашей коллекции?

Хелен проследила за моим взглядом. На этот раз пауза была чуть длиннее, чем требовала вежливость.

— Нет. Это подарок.— Она поправила стопку карт, хотя та лежала ровно.— Единственный подарок Ричарда, который я не вернула. Икона ни в чём не виновата.

— Откуда она?

— Он не говорил. А я не спрашивала.— Она подняла на меня глаза.— Эдвард сказал мне вчера, что у отца были деньги за границей. И я не удивилась. А знаете, что меня всегда забавляло? Клара была уверена, что выиграла главный приз. Пятнадцать лет она считала его деньги, потом решила, что считать больше нечего, и ушла. А он, выходит, просто не показывал ей кошелёк.— Хелен помолчала.— Ричард всегда умел прятать, мисс Марго. Деньги, женщин, себя. Если вы думаете, что нашли его последнюю тайну, вы его плохо знаете.

В приёмной меня проводил взглядом пожилой пациент с тростью. Медная табличка у входа блестела под дождём. Я стояла на ступеньках и думала, что за один день узнала двух людей, которые были рядом с Ричардом там, где он был уязвим. Сын стоял с ним на кухне в последний вечер. Бывшая жена знала, какое лекарство может его убить.

И оба рассказали мне об этом сами. Будто хотели, чтобы я знала.

А ещё у Хелен на стене висел Крит. Задолго до того, как кто-то из нас о нём услышал.

Сцена 5. Кабинет патологоанатома

Доктор Флетчер принадлежал к людям, которые считают слова расходным материалом и тратят их экономно. Грубым он не был, просто знал, что в делах о смерти лишние фразы только мешают. «Эмоции не ставят диагнозов»,— говорил он, и в этом была вся его философия.

Его кабинет в подвале окружной больницы больше напоминал лабораторию, чем место, где говорят о смерти: на полках папки с номерами вместо имён, на столе стопки распечаток, в воздухе запах спирта и бумаги. После икон Хелен здесь было почти уютно. По крайней мере, на меня никто не смотрел со стен.

Когда я постучала, Флетчер не поднял головы. Дописал строчку, поставил точку и только тогда сдвинул очки на кончик носа и посмотрел на меня как на ещё одну распечатку, которую нужно рассортировать.

— Марго,— произнёс он без удивления. Похоже, он ждал, что рано или поздно я спущусь сюда по лестнице, где пахло сыростью и дезинфекцией.— Садитесь. Инспектор сказал, что вы придёте.

Флетчеру было лет шестьдесят, но выглядел он старше. Дело было не в морщинах, а в особенной выцветшей усталости, которая оседает на людях, привыкших смотреть на самое тяжёлое и не отводить глаз. Лицо у него было будто собрано из прямых угловатых линий: высокий лоб, резкие скулы, нос с лёгкой горбинкой. Когда-то его, видимо, сломали, а он привык к новому профилю и перестал его замечать.

Седые волосы были коротко острижены, почти под машинку, и это делало его похожим на военного в отставке, для которого порядок начинается с мелочей. Седина была не благородной, не серебристой, а тусклой, пепельной, серой, как больничный коридор. Глаза светло-карие, почти янтарные, но тепла в них не было, скорее это был цвет старого стекла. Ни осуждения, ни сочувствия, только привычка видеть суть: он смотрел не на лицо, а на то, что за ним прячется.

Белый халат, казалось, никогда не бывал по-настоящему белым. Под халатом виднелся серый свитер грубой вязки— на тепло и привычку, не на вид.

Руки у него были крупные, с широкими ладонями и чуть утолщёнными суставами, руки человека, который работал не только головой. Кожа на пальцах была сухой и тонкой от бесконечного мытья. Бумагу он держал уверенно, без суеты, но и без нежности: бумага для него была носителем информации, не больше.

На столе лежала лупа с массивной ручкой из тёмного дерева, вещь из другого века. Рядом стояла керамическая кружка с облупившейся глазурью и почти стёршейся надписью: «Не спрашивай, по ком звонит колокол». Я подумала, что в подвале патологоанатома это звучит скорее как служебная инструкция, чем как цитата.

Инспектор Доусон уже был здесь. Он стоял у окна, сунув руки глубоко в карманы тёмно-серого плаща, и кивнул мне, не оборачиваясь. Шляпа лежала на подоконнике рядом с ним, полями вниз, будто ей тоже хотелось передохнуть. Плащ был видавший виды: на левом плече потёртость, словно он годами опирался на дверные косяки дежурных комнат, на рукаве белёсый след, то ли от порошка, то ли от въевшейся пыли. Доусон был из тех полицейских, которые выглядят так, будто последний раз высыпались при предыдущем начальнике.

Формы он не носил. Во внутреннем кармане плаща у него лежал блокнот с загнутым углом, рядом ручка, которой он щёлкал, когда думал. А в боковом кармане брюк лежал плоский футляр с таблетками от давления. Я заметила его ещё в тот день, когда Доусон, доставая ключи, отдавал мне копию первого заключения. С тех пор эта деталь почему-то не выходила у меня из головы: он столько лет ловит чужие ошибки, а свои тихо носит в кармане.

— Миссис Кроуфорд дала согласие на повторное исследование,— сказал Флетчер, снова опустив глаза в бумаги.— Образцы после первого вскрытия сохранились. Мы сделали то, чего не сделали в первый раз: полную токсикологию и электролиты.

— И?— спросила я.

Флетчер поднял на меня взгляд, спокойный, почти скучающий. Так смотрят после сорока лет такой работы.

— В крови есть вещество, которого нет в его назначениях. Ни у участкового врача, ни у кардиолога. Само по себе оно не яд. Это лекарство, его применяют при определённых неврологических заболеваниях. Но оно замедляет сердце. Его препарат от давления тоже замедляет сердце. Вместе они дают то, что вы видите в заключении.

Он подвинул ко мне распечатку и указал на одну строчку.

— Концентрация примерно вдвое выше той, при которой это лекарство назначают. Если бы он принимал его давно и в обычной дозе, возможно, ничего бы не случилось. А так— нет.

Цифры выглядели безобидно, как любые медицинские показатели. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы они стали для меня чем-то большим.

— Неврологических заболеваний,— повторила я.— У него было такое?

Доусон наконец повернулся от окна. Усталость в нём не выглядела слабостью. Это была усталость механизма, который годами работает без перерыва и всё ещё не сломался. Лицо человека, слишком долго читавшего плохие новости: резкие, стёртые временем складки у рта, чуть опущенные веки, придававшие ему вид усталого скептика. Седина пробивалась неровно, будто жизнь ставила отметки там, где было тяжелее. Густые брови были чуть сдвинуты, и от этого даже спокойное выражение казалось настороженным.

— В его карте ничего подобного нет,— сказал он.— Мы проверили все аптеки в округе. Этот препарат ему никто не выписывал и никто не продавал.

— Значит, или кто-то дал ему лекарство, которое ему было не нужно,— сказала я,— или он был болен, и никто об этом не знал.

Доусон потёр переносицу. Этот жест я уже знала: сейчас последует фраза без драмы и пафоса, одна голая логика.

— Второе, Марго, звучит красиво. В полиции мы красивое не любим, от него потом отчёты длиннее. Я двадцать лет на службе и привык к первому. Человек не принимает двойную дозу лекарства, которого у него нет. Кто-то ему его дал.

Я повернулась к Флетчеру.

— Как он умер? Быстро?

— Тихо,— сказал Флетчер.— При такой картине сердце замедляется постепенно. Слабость, головокружение. Человек садится, если успевает. Потом теряет сознание. Обычно он даже не понимает, что происходит.

— Доктор Уитмор считает, что Ричард не мог умереть спокойно. Что он бы метался, звал на помощь.

— Доктор Уитмор хороший терапевт,— без выражения ответил Флетчер.— Но при этом механизме мечутся редко. Кресло и сложенные руки меня не удивляют.

Значит, тишину в кабинете никто не наводил. Версия, которая ещё вчера казалась мне ключом, рассыпалась у меня в руках. Легче от этого не стало, скорее наоборот.

— Когда он принял препарат?

— В пределах нескольких часов до смерти. Вечером в четверг. Точнее сказать не могу.

Вечер четверга. Эдвард пил с отцом чай на кухне и ушёл. Мария была у дочери, и подтвердить это может только дочь. А коробочка справа от чайника так и стояла, и пятничные таблетки остались нетронутыми.

— Я напишу заключение официально,— сказал Флетчер.— Смерть в результате острой интоксикации. Насильственная или нет, решать не мне.

— Решать будем мы,— сказал Доусон и взял с подоконника шляпу.— Марго, ваша клиентка прожила с ним двадцать четыре года. Знала, что он принимает, раскладывала ему таблетки по коробочкам и в ту ночь очень удобно оказалась в другом месте. Я не говорю, что это она. Я говорю, что завтра утром задам ей несколько вопросов. И советую ей ответить честно.

— Она ответит,— сказала я.— Вопрос в том, услышите ли вы.

Доусон посмотрел на меня так, будто я предложила ему пирожное на диете, надел шляпу и вышел. Флетчер вернулся к своим бумагам, словно меня уже не было в комнате. Уже в дверях я услышала, как он отпил из кружки с колоколом и перевернул страницу.

На улице шёл дождь. Я стояла под козырьком без зонта, который, разумеется, снова остался дома, и думала не о Марии. Я думала о банке тимьянового мёда, о святом с греческими буквами над плечом Хелен и о двух сентябрьских неделях, которые Ричард каждый год называл конференциями. Лекарство, которого никто не выписывал и никто не продавал, откуда-то же взялось.

Завтра утром Мария обещала пустить меня в кабинет мужа. Теперь мне нужно было успеть туда раньше Доусона.

Сцена 6. Кафе у вокзала: Клара «оживает»

Клару Беннет я почувствовала раньше, чем увидела. В кафе у вокзала Эшкомба пахло пережаренным кофе и мокрыми плащами, и сквозь всё это пробивались сладковатые духи, слишком щедрые для одиннадцати утра. Духи Клары вошли в кафе раньше неё и, судя по всему, собирались уйти позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.